

профессионально-этических норм могут сыграть ключевую роль в обеспечении гарантий конституционно закрепленного права на свободную передачу и получение достоверной информации.

Литература

1. Алексеева Т.А. История испанской конституции. — М.: Проспект, 2011, с. 233.
2. Mesa R.Y. La complicada evolución de la libertad de prensa en España durante el siglo XX. Apuntes para su estudio. Espéculo. Revista de estudios literarios. Universidad Complutense de Madrid, 2005.
3. Mesa R.Y. Op. cit.
4. Конституция Испании на русском языке. Перевод П. Романа. Посольство Королевства Испании в Российской Федерации, 1995.
5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comisiondequejas.com/Reglamento/Reglamento.htm>
6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.comisiondequejas.com/Otras_Normas/Codigos/Relacion/CODIGO_MEDIOS_COMUNICACI%D3N.pdf
7. Харасту М. Путеводитель по саморегулированию СМИ. Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. — Вена, 2008, с. 78.
8. Maciá Barber C. A Press Ombudsman Model for Improvement of Journalistic Practices in Spain. Communication & Society 19(1), 2006. P. 47–66.
9. Libro de Estilo de El País. [Электронный ресурс]. URL: http://blogs.elpais.com/defensor-del-lector/doc/principios_eticos.pdf

С.И. Чернявский

Россия и Испания в годы Великой войны (1914–1918 гг.)

Статья посвящена сотрудничеству между Россией и Испанией по оказанию помощи депортированным русским подданным и военнопленным в 1914–1918 гг.

Ключевые слова: депортация гражданских лиц, защита прав военнопленных.

S. Cherniavsky

RUSSIA AND SPAIN DURING THE GREAT WAR (1914–1918)

The article is devoted to cooperation between Russia and Spain to assist deported Russian citizen and prisoners of war in 1914–1918.

Key words: the deportation of civilians, protection of the rights of prisoners of war.

В европейской политике Российской империи Испании никогда не принадлежало центральное место. В начале прошлого столетия отношения между нашими странами носили в целом вялотекущий характер. Это отражалось и на внутренней жизни посольств — небольшие здания в Мадриде и Петербурге, лишённые какой-либо помпезности, ограниченный персонал: посол и 2–3 сотрудника, отсутствие консульских точек. Ну и, наконец, весьма скромные дипломатические приемы, связанные с ограниченным финансированием.

О жизни и деятельности российского посольства в Мадриде современники судят во многом по мемуарам Юрия Яковлевича Соловьева, назначенного в 1912 г. советником в Испанию. В силу ряда обстоятельств деятельность Соловьева на этом посту приобрела особо важное значение для МИД России, поскольку в первые же дни Великой войны (как ее до сих пор принято называть в Европе) 1914–1918 гг. испанское правительство заявило о своем нейтралитете и готовности представлять интересы России в воюющих странах. Ю.Я. Соловьев, находившийся в момент объявления войны в отпуске в Петрограде, стал первым руководителем мидовского подразделения, которому было поручено заниматься депортированными из государств Тройственного союза российскими подданными, о чем он впоследствии также упомянул в своих воспоминаниях.

Хотя российско-испанские отношения 1914–1918 гг. рассматривались в работах многих советских и российских испанистов, круг первоисточников, раскрывающих более подробно особенности этого периода, весьма ограничен. Работая над монографией о гуманитарной миссии российской дипломатии в годы Первой мировой войны, автору удалось, как представляется, более предметно проанализировать проблематику гуманитарного сотрудничества российских и испанских дипломатов в условиях мирового конфликта. Война потребовала нестандартных подходов со стороны дипслужбы по предоставлению дипломатической опеки подданным воюющих сторон, их физической защите, распределению материальной помощи и организации массовой эвакуации на родину. Особо сложными оказались вопросы, связанные с оказанием помощи военнопленным.

Первая мировая война явилась результатом длительного накопления противоречий между ведущими мировыми державами. Во всех странах усилились шовинистические настроения. Общественность, привыкшая за несколько лет постоянных кризисов к балансированию на грани катастрофы, не теряла надежды, что в последний момент кто-нибудь одумается и отступит. Правительства и дипломатические ведомства уверяли в неизбежности компромисса без потери престижа. Для России эта задача в тот период оказалась непосильной.

ДЕПОРТАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ

С первых же дней Великой войны перед внешнеполитическим ведомством Российской империи встала задача оказания срочной практической помощи значительной массе соотечественников, застигнутых военными действиями за рубежом.

Однако в первую очередь необходимо было закрыть собственные посольства и консульства в странах Тройственного союза, передав заботу о них испанским представителям. Ведь дипломаты, как и пограничники, сразу же выдвигаются на линию огня. Они и их семьи, как правило, становятся первыми невинными жертвами любого обострения ситуации в стране пребывания. Судьба многих дипломатов, оказавшихся в силу разных обстоятельств в руках неприятеля, заканчивается трагически. Так случилось и в Германии летом 1914 г.

После объявления войны обстановка вокруг российских загранучреждений стала откровенно враждебной. По словам секретаря посольства России в Берлине С.Д. Боткина, «с самого начала обострения кризиса в посольство приходили многочисленные русские подданные за советом и помощью. Толпа русских настолько увеличилась, что заполнила подворотню и переднюю, проникая во внутренние помещения посольства. 20 июля с утра число наших соотечественников достигло многих сотен. Они в слезах просили защиты от начавшихся притеснений со стороны немецких властей и умоляли оказать помощь, чтобы выбраться за пределы Германии. Не только весь проезд, но и двор был заполнен несчастными путешественниками. Они наводнили также парадную лестницу и прилегающие комнаты. Врывались силой в канцелярию, где в это время спешно укладывались секретные архивы. К сожалению, сотрудники посольства были бессильны оказать беженцам сколько-нибудь осязаемую помощь. Приходилось успокаивать их уверениями, что, несмотря на предстоящую войну, они, как мирные туристы и больные, притом, по большей части, женщины и дети, решительно ничем не рискуют, даже если бы, вследствие невозможности немедленно выехать, они вынуждены будут остаться еще на некоторое время в Германии. Никто в это

время не мог и предполагать, какая участь ожидала наших бедных соотечественников, застрявших в Германии!» [1].

Германский МИД назначил день отъезда русских дипломатов на 1 час 07 мин. 21 июля (3 августа). Несмотря на позднее время у здания посольства собралась огромная толпа берлинцев, провожавшая отъезжавших свистом и оскорбительными криками. Собравшиеся наваливались на автомобили, не давая им сдвинуться с места. Они били выходивших женщин и детей палками и зонтами, плевали, забрасывали песком и мелкими камнями. Подобной участи избежала лишь машина посла, которая продвигалась под эскортом конной полиции.

Оказавшийся в эти дни в Берлине князь Ф.Ф. Юсупов так описал отъезд русского посольства: «На другой день рано утром мы поехали в русское посольство, а оттуда на вокзал к копенгагенскому поезду. Никакого сопровождения, как полагалось бы иностранной миссии. Мы отданы были на милость разъяренным толпам. Всю дорогу они швыряли в нас камни. Уцелели мы чудом. Среди нас были женщины и дети, семьи дипломатов. Кому-то из русских палкой разбили голову, кого-то избили до крови. С людей срывали шляпы, иным в ключья изорвали одежду» [2].

После отъезда официального «посольского поезда» в Данию защиту интересов России и принадлежащего ей в Германии имущества формально взяла на себя Испания. Однако испанский посол в Берлине Луис Поло де Бернабе взялся за дело без особого энтузиазма.

Оставленного в Берлине по согласованию с МИД канцелярского служащего Петра Павловича Асеева, которому поручалась охрана имущества и передача архива испанскому посольству, арестовали и заключили в Северную военную тюрьму, где он содержался в одиночной камере до конца февраля 1915 г. [3]. Судьба оставшихся по разным обстоятельствам в Германии консульских сотрудников — как административных, так и дипломатов — сложилась трагически. Тюрьма или концлагерь. Никаких официальных протестов с испанской стороны на этот счет не последовало.

С первых же дней войны перед российским внешнеполитическим ведомством встала задача оказания срочной практической помощи значительной массе людей, застигнутых войной за рубежом. О масштабах этой проблемы говорит тот факт, что лишь на территории Германии в момент войны находилось свыше сорока тысяч российских подданных. МИД приступил к сбору и анализу сведений об их положении, организацией перевода им денежных средств, улучшения условий их жизни путем заключения через испанских посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями.

Центральным звеном в этой гуманитарной миссии российского МИД стало испанское посольство в Петрограде. Посол Испании в России А. Морильо-и-Перес, маркиз де ла Пуэрта, граф де Картахена, прибывший в столицу Российской империи в феврале 1914 г., активно взялся за порученное ему нелегкое дело.

26 июля 1914 г. при Втором департаменте МИД учреждается «Бюро для наведения справок о русских подданных, застигнутых войной в запад-ноевропейских государствах, не состоящих с нами в войне» [4]. Новое подразделение МИД координировало работу по розыску лиц, оказавшихся в этот период вне России. Вскоре его расширяют и преобразовывают в Справочный стол о российских подданных, оставшихся на территории неприятельских стран, который размещают в здании посольства Испании в Петрограде. Директором Справочного стола назначили Ю.Я. Соловьева, бывшего в тот период временным поверенным в делах России в Испании и находившегося летом 1914 г. в отпуске в Петрограде.

В силу малочисленности испанского посольства (посол и два секретаря), оно не могло справиться с новыми задачами своими силами. Поэтому было принято решение о том, что Справочный стол временно будет находиться в посольстве Испании, но обслуживать его работу будут русские подданные.

Соловьеву удалось за несколько дней набрать двенадцать сотрудников, которые заняли две комнаты в посольстве Испании и вели прием посетителей.

Работа Справочного стола носила авральный, ненормированный характер. По

воспоминаниям Ю.Я. Соловьева, за справками обращалось по несколько сот человек в день [5]. Начальник Справочного стола получил от министра широкие полномочия, вплоть до отправки ответов за его подписью на многочисленные письма и телеграммы, поступавшие в МИД с запросами о судьбе русских граждан, застигнутых войной в Германии и Австро-Венгрии. Справочный стол оперативно наладил составление и публикацию списков, застигнутых войной за границей русских подданных [6].

Вскоре Справочному столу передали дополнительные функции, связанные с переводом денег русским, задержанным в воюющих с Россией странах. Это было связано с поручением правительства МИД взять на себя ответственность за российских подданных, оказавшихся за границей или задержанных в воюющих странах, и за российских военнопленных.

Через созданный в этих целях при Первом департаменте МИД Отдел денежных переводов и ссуд должны были поступать в зарубежные представительства МИД денежные средства в виде ссуд и материальных пособий, а также отправляться денежные переводы по льготному обменному курсу лицам, оказавшимся в неприятельских странах и на оккупированных территориях [7].

На Отдел возлагались следующие основные функции:

«1) Денежные переводы по льготному курсу от частных лиц нуждающимся русским гражданам, оставшимся по обстоятельствам военного времени в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Турции, Болгарии и занятых неприятелем местностях России, а также в исключительных случаях (тяжкой болезни, невозможности вернуться на родину и т.д.) в Швейцарию. Ввиду ограниченности отпускаемой валюты отдел принимал для перевода лишь до 100—150 рублей на одно лицо и до 200—300 рублей на семью, при этом не более одного раза в месяц. Деньги переводились по телеграфу через испанские посольства в Берлине и Вене, испанскую миссию в Брюсселе и нидерландские миссии в Константинополе и Софии.

2) Выдача ссуд и пособий неимущим русским гражданам, оставшимся за границей по обстоятельствам военного времени и не имеющим возможности возвратиться на родину. Ссуды, подлежащие возмещению, выдаются нашими заграничными установлениями лишь в тех случаях, когда получатели представляют достаточные гарантии возможности впоследствии их возместить. На одно лицо выдается ежемесячно до 300 рублей. Выдача пособий ограничена месячным сроком до поиска лицами, хотя и нуждающимися, но трудоспособными, заработка; более крупные пособия выдавались лишь в самых исключительных случаях безусловной нужды, болезни и неспособности к труду.

3) Помимо переводов денег по льготному курсу от частных лиц за границу, на Отдел возложили операции по переводу денег различным комитетам и организациям благотворительного характера, находящимся как в неприятельских странах и оккупированных местностях, так и в дружественных и нейтральных государствах. Переводы эти имеют целью оказание помощи русским военнопленным и бедствующему населению оккупированных местностей и поступают главным образом от Центрального комитета о военнопленных при Российском Обществе Красного Креста и от других благотворительных организаций — русских, польских, литовских и еврейских.

На производство перечисленных операций Министерство иностранных дел было уполномочено особыми постановлениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г. На первоначальные расходы выделено 750 000 рублей» [8].

Начиная с 11 августа 1914 г., денежные переводы задержанным в Германии и Австро-Венгрии русским подданным шли через МИД. Поступавшие в Петроград средства передавались по телеграфу в российскую миссию в Копенгагене и оттуда направлялись через испанскую миссию в испанские посольства в Берлине и Вене. На эти загранучреждения возлагалась задача доставки через германских и австрийских агентов денег по назначению, причем срок выдачи переводимых сумм зависел от различных обстоятельств, предвидеть или изменить которые было невозможно.

Встречавшиеся при выполнении переводных операций затруднения возникали из-за неточности предоставленных отправителями сведений о местонахождении адресатов, их

частых перемещений, не всегда известных близким им лицам, а также вследствие ошибок перегруженного работой телеграфа и проявившихся в отдельных случаях намеренных задержек и небрежности передаточных инстанций в Германии и Австро-Венгрии. Часть исполненных министерством переводов не находила адресата и «терялась».

Согласно отчету испанского посольства в Берлине на октябрь 1914 г., из 6 639 переводов, поступивших в Германию на общую сумму 1 329 275 рублей лишь 3 586 переводов, на сумму 714 062 рублей были выплачены адресатам или доверителям; 1 488 переводов на сумму 321 155 рублей были уничтожены по просьбе отправителей, как не достигшие своей цели, и возвращены им Министерством, и, наконец, 1 565 переводов на сумму 294 058 рублей остались невыплаченными за выездом адресатов из Германии [9].

Неоднократные попытки Министерства повысить эффективность деятельности испанских агентов успеха не имели. Весьма болезненной становилась проблема отчетности.

Расходы на указанные цели постоянно росли, и к февралю 1915 г. общая сумма одновременно открытых кредитов составила 7 221 239 рублей. По различным странам сумма эта распределялась следующим образом (Табл. 1):

Таблица 1.

Страны	Кредиты	
Австро-Венгрия	886 687 крон	349 088 руб.
Великобритания	31 000 ф.ст.	293 167 руб.
Германия	4 867 617 марок	2 253 219 руб.
Франция	2 200 000 франков	
Бельгия	225 000 фр.	
Греция	450 000 фр.	
Италия	1 000 000 фр.	
Испания	90 000 фр.	3 009 906 руб.
Португалия	25 000 фр.	
Румыния	95 000 фр.	
Швейцария	3 941 417 фр.	
Дания	1 000 000 крон	
Норвегия	125 000 кр.	
Швеция	950 000 кр.	1 080 672 руб.
Нидерланды	170 000 гульденов	132 787 руб.
Египет		102 700 руб.
<i>Итого</i>		<i>7 221 539 руб.</i>

Выдача денежных ссуд русским подданным в Германии и Австро-Венгрии, за исключением города Будапешта, производилась дипломатическими и консульскими учреждениями Испании, в Будапеште – американским представителем, в Турции – итальянскими и американскими учреждениями и в Болгарии – нидерландскими.

По данным поступившей в МИД отчетности за период с начала войны до 1 сентября 1915 г. были израсходованы следующие суммы, в рублях (см. Табл. 2):

Таблица 2.

Страны	1914 г.	1915 г.			
		Январь	Февраль	Март	Апрель
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Австро-Венгрия	67 182	9 618	13 669	14 083	9 057

Болгария	33 490	4 067	2 883	2 327	2 334
Великобритания	120 304	10 100	1 515	17 322	101
Германия	593 832	86 438	97 632	115 492	94 517
Греция	42 419	15 683	6 320	7 970	11 890
Египет	125 347	—	—	—	—
Испания	10 564	—	—	—	—
Италия	125 798	1 266	3 995	428	1 982
Нидерланды	22 885	448	826	709	1 142
Норвегия	32 150	2 999	1 720	3 073	1 614
Португалия	7 434	2 000	—	—	—
Румыния	71 823	3 988	1 972	1 012	994
Сербия	7 354	88	412	608	—
Франция	214 093	4 308	5 035	6 957	8 111
Швейцария	149 162	5 069	7 277	3 299	3 071
Итого	1 623 837	146 072	143 256	173 280	134 813
	1915 г.				
	Май	Июнь	Июль	Август	Всего
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Австро-Венгрия	6 329	6 455	—	—	126 393
Болгария	1 886	1 314	2 062	2 344	52 707
Великобритания	1 212	2 424	17 550	24 779	195 307
Германия	72 124	—	—	—	1 060 035
Греция	7 128	2 238	4 544	6 652	104 844
Египет	—	—	—	—	125 347
Испания	—	—	—	—	10 564
Италия	—	—	—	—	133 469
Нидерланды	636	918	1 505	—	29 069
Норвегия	1 533	4 996	4 910	—	52 995
Португалия	—	—	—	—	9 434
Румыния	960	626	627	1 468	83 470
Сербия	—	—	—	—	8 462
Франция	3 132	4 050	—	—	245 686
Швейцария	—	—	—	—	167 878
Итого	94 940	23 021	31 198	35 243	2 405 660

Реализация гуманитарной миссии МИД по поддержке русских подданных, застигнутых военными действиями в Германии и Австро-Венгрии, столкнулась с серьезными финансовыми трудностями.

Хотя к январю 1915 г. значительное число русских подданных вернулось из Европы и Турции на родину, в воюющих странах оставалось немало соотечественников — в большинстве своем мужчин призывного возраста (военнообязанных) и членов их семей. По данным испанского посольства в Берлине, только в Германии оставалось не менее 7 000 нуждающихся в помощи русских подданных, из которых 4 500 находились в Берлине; в Дрездене — 120; в Ганновере, Галле, Гальберштадте и Лейпциге — 400; в Хемнице — 1 200; на юге Германии около 400 и в остальной части империи — 500. Кроме того, 5 300 гражданских задержали

в качестве «военнообязанных», из которых 1 300 человек помещены в Гольцминдене, 2 000 — в Гавельберге и 2 000 человек — в других германских концентрационных лагерях. На оказание им помощи требовалось, по подсчетам испанского посла, не менее 200 000 марок ежемесячно.

ЗАЩИТА ПРАВ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Уже к осени 1914 г. стало ясно, что воюющие державы явно недооценили масштабов развязанной ими перекройки мира. В отличие от всех предыдущих баталий эта война обернулась невиданным доселе катаклизмом, вовлекая в свое горнило миллионы человеческих жизней. Возросшая мобильность вооруженных сил и новые виды вооружений позволили значительно быстрее продвигаться по захваченной территории, не давая ни малейших шансов на спасение ни отступающим войскам, ни гражданскому населению. В первые же месяцы войны появились большие группы пленных, исчисляемые сотнями тысяч. Солдаты австро-венгерской армии (особенно мобилизованные из числа славянских народов — чехов, словаков и сербов) десятками тысяч складывали оружие перед русскими в Галиции. Германцы в свою очередь пленили десятки тысяч русских солдат при разгроме армии генерала Самсонова в августе 1914 г. в Восточной Пруссии.

В практическую плоскость встал вопрос о защите прав военнопленных.

21 октября/3 ноября 1914 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов поручил послу России в Испании Ф.А. Будбергу «просить королевское правительство дать поручение испанским послам в Берлине и Вене офици-ально довести до сведения германского и австро-венгерского правитель-ств, что в случае подтверждения полученных военными властями сведений о многочисленных актах насилия, совершенных германскими и австро-венгерскими властями в отношении российских подданных и военноплен-ных в Германии и Австрии, равно как и на театре военных действий, с нашей стороны последуют репрессалии» [10].

7/20 ноября 1914 г. посольство Испании в Петрограде вручило МИД России телеграмму испанского посла в Берлине. В ней говорилось о том, что посол передал германскому правительству вышеупомянутое сообщение российской стороны и полагает, что «сведения об актах насилия, которые могут быть приписаны германским властям, по большей части неточны или преувеличены».

Подобный ответ вызвал возмущение в Петрограде, что и получило соответствующее отражение в дипломатической переписке.

30 декабря 1914 г./12 января 1915 г. МИД России направил посольству Испании ноту следующего содержания (приводится с сокращениями).

«Российское императорское Министерство иностранных дел имело честь получить сообщение испанского королевского правительства от 7/20 ноября с телеграммой испанского посла в Берлине. Поскольку в этой телеграмме содержится утверждение, что «сведения об актах насилия, которые могут быть приписаны германским властям, по большей части неточны или преувеличены», российское императорское правительство считает должным просветить испанское правительство на этот счет, предоставив ему первые результаты проводимых нами исследований касательно нарушений законов и обычаев войны на суше, совершенных германскими и австро-венгерскими властями и войсками. Наиболее серьезные из этих нарушений можно отнести к следующим категориям.

I. Изувечение и умерщвление русских раненых.

Из многочисленных показаний российских солдат, лечившихся в госпиталях, следует, что германские солдаты весьма часто добивали русских раненых на поле брани. Некоторые из этих преступлений совершались даже на глазах у российских войск в тот момент, когда сии последние покидали поле боя, однако, обычно раненые хладнокровно и методично добивались по окончании сражения; об этих расправах сообщали российским властям раненые, которые сумели избежать истребления, прикинувшись мертвыми.

II. Казни российских пленных.

Имело место немало случаев расстрела российских пленными германскими и австрийскими войсками.

III. Вероломные нападения гражданского населения на российские войска.

Почти во всех городах и селениях, оккупированных или пересекавшихся российскими войсками, последние подвергались вероломным нападениям со стороны жителей, стрелявших по ним с крыш и из окон своих домов. Ознакомившись с приложениями, испанское королевское посольство легко убедится в том, что германское население нападало на россий-ские войска вероломным образом и это, конечно, должно было побудить сии последние к принятию репрессивных мер.

IV. Преступления, совершенные германскими и австрийскими войсками в отношении российского гражданского населения.

Поведение германских и австрийских войск в оккупированных ими местностях по отношению к российскому гражданскому населению следует квалифицировать как совершенно противное правилам, установленным Гаагской конвенцией 1907 г. (Отделение III. О военных властях на территории неприятельского государства). Путем официального расследования было установлено, что прусский комендант Калиша Прейскер отдал 22 июля приказ о расстреле местных жителей в силу вопиюще незаконных оснований или вообще без всяких оснований с единственной целью терроризировать население города, которое он считал, вероятно, недостаточно запуганным предшествовавшей тому бомбардировкой.

Захват заложников — еще одно нарушение действующих норм международного права, совершаемое германскими и австрийскими военными властями. Так, в Калише какое-то число чиновников и видных жителей города было арестовано и отправлено в Германию. Также и австрийские войска в конце августа увели с собой множество жителей, в том числе порядка 500 обитателей селения Мальчице и священников из многих других селений.

В тех же селениях австрийские военные власти в нарушение ст. 44 Гаагской конвенции с помощью угроз и насилия добивались от населения и, прежде всего, от священников сведений о российской армии.

V. Использование разрывных пуль австрийскими войсками.

Использование австрийскими войсками разрывных пуль многократно подтверждалось фактами, приводившимися в заявлениях российских военных властей и медицинских рапортах, а также фотографиями ран, патронов и пуль.

VI. Осквернение и разграбление церквей.

VII. Нарушения Женевской конвенции.

Официальные документы ясно показывают, что германские и австро-венгерские войска многократно нарушали положения Женевской конвенции 1906 г.

VIII. Использование вероломных приемов в нарушение ст. 23, п. b) Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях войны на суше.

Перечислив выше означенные случаи, российское императорское правительство отнюдь не исчерпало список нарушений законов и обычаев войны на суше, содеянных германской и австрийской армиями. Настоящим сообщением оно всего лишь хотело уведомить посольство его величества короля Испании о некоторых самых бесчеловечных и жестоких деяниях, совершенных союзными армиями. Основываясь на совокупности приведенных выше вопиющих фактов, Императорское министерство иностранных дел имеет честь еще раз заявить, что в случае продолжения подобных действий в отношении российских войск или гражданского населения оно будет вынуждено воспользоваться своим правом на репрессалии.

Российское императорское Министерство иностранных дел имеет честь просить испанское посольство содействовать официально, при посредстве правительства его католического величества, довести эту ноту до сведения германского и австро-венгерского правительств» [11].

Вопрос о нарушении германскими войсками Женевской конвенции от 6 июля 1906 г. «Об отношении к раненым и больным воинам, об отношении к врачебному и вспомогательному персоналу, госпиталям во время ведения военных действий», а также Гаагской конвенции 1907 г. О законах и обычаях сухопутной войны неоднократно поднимался российской стороной.

Так, в ноте товарища министра иностранных дел А.А. Нератова послу Испании в России Картахене от 10 июня 1915 г. ему в очередной раз сообщались факты грубого обращения с военнопленными, принятого в нарушение всех человеческих законов и норм международного права, ко-торые предлагалось довести до сведения германского правительства.

«Господин посол,

В продолжение предыдущих сообщений имею честь довести до сведения Вашего превосходительства показания, данные надлежащим воен-ным властям пятью российскими солдатами, бежавшими из Германии в мае месяце сего года.

Эти люди утверждают, что, попав в плен и будучи отправлены под конвоем в армейские тылы, они подвергались побоям и издевательствам не только со стороны проходивших мимо солдат, но и гражданских лиц. Их били хлыстами, пиками, прикладами ружей, саблями; пинали ногами, пле-вали им в лицо, бросали песок в глаза и т.п. Одного из них, казака, хотели расстрелять около пехотного бивака, и он избежал этой участи только благодаря своему «отказу» от принадлежности к казачьему сословию.

При допросе ему давили на глаза и, отделив от других пленных, вы-водили и ставили его на линию огня. Издевательства и оскорбления не прекращались и там. По прибытии пленных солдат в Логумкlostер трое из них оказались свидетелями того, как один российский пленный по име-ни Степан Кузнецов, возвращаясь с работы, получил убийственный удар прикладом в пах, от которого вскоре скончался. В Хаммерштайне они видели, как российского пленного закололи штыком. В Стендале пленных били резиновыми ремнями и натравливали на них собак; был даже один случай, когда пленному рассекли голову саблей.

Питание во всех лагерях было очень плохим. С 19 февраля пленные вместо фунта хлеба в день стали получать только половину этой порции. Утром в 6 часов им давали теплую воду с небольшим количеством муки, картофеля или желудей; в полдень — суп с горохом, морковью или свеклой; несколько раз в суп клали молотое мясо и дважды в неделю, в четверг и в субботу, — рыбу, но в очень малом количестве. Часто эта рыба и это мясо были плохого качества. По воскресеньям давали кофе. Письма и почтовые посылки до пленных не доходили. Санитарное состояние лагерей было плачевным.

Спали пленные на соломенных тюфяках в холодных помещениях на нарах в два или три этажа. За все время их только один раз сводили в ба-ню, чего было явно недостаточно ввиду множества заведшихся на них паразитов. Неудивительно, что в таких условиях среди пленных была большая смертность. Так, в Логумкlostере за три месяца из 2 тыс. русских 60 человек умерло.

В Шлезвиге пленные были заняты на тяжелых работах, таких, например, как добыча торфа. Они получали, хотя и нерегулярно, по 15 пфеннингов за 24 часа работы. Пленные неоднократно подвергались обыскам. В ходе таковых у одного из солдат отобрали часы стоимостью в 18 рублей, а у другого — в 25 рублей, у третьего — бритву, у четвертого — сапоги, у пятого — часы и 86 рублей деньгами.

По словам этих людей, с пленными французами и бельгийцами об-ходились лучше, чем с русскими.

Кроме того, все дружно говорят о привилегированном положении среди пленных представителей еврейской национальности. Германские власти наделяют сих последних исключительными привилегиями и преимуществами. Бежавшие солдаты рассказывают, что германские военные власти выдают российским пленным солдатам, евреям по происхождению, резиновые плетки и приказывают использовать оные против их русских товарищей при малейших промашках со стороны последних. Солдаты-евреи в полной мере пользуются этим разрешением и доходят в своем усердии до истязаний и убийств. На основании

рассказов бежавших русских пленных мы вправе заключить, что германские военные власти используют чувства расовой нетерпимости для установления строгого надзора за пленными и поощрения доноительства, не обращая внимания на неслыханные злоупотребления и преступные бесчинства, которые являются неизбежным следствием этого» [12].

Для российской стороны было особенно важно обеспечить контроль за тем, как обращаются с попавшими в плен офицерами и рядовыми русской армии. Поскольку испанские дипломаты, взявшие на себя защиту российских интересов в Германии и Австро-Венгрии (не бесплатно!), весьма неохотно посещали места заключения военнопленных, МИД настаивал на плановой проверке концлагерей. В этой связи министр иностранных дел С.Д. Сазонов просил поверенного в делах России в Испании Ю.Я. Со-ловьева обратить внимание испанцев на следующие вопросы:

«1) Дурное питание, равносильное голоданию, наших военнопленных в Германии.

2) Связанные с жестокими наказаниями за непослушание принудительные посылки пленных на французский и австро-итальянский фронты и другие работы, связанные с военными целями, а также в Болгарию и Сербию на железнодорожные и иные тяжелые работы.

3) Очень желательно добиться от германского правительства заключения соглашения об обмене пленных врачей и санитарного персонала.

4) Мы были бы крайне признательны за возможно частые командирования чинов посольства в разные лагеря для проверки многочисленных жалоб о положении пленных, о которых мы ему сообщаем, Вы могли бы дать мысль об увеличении личного состава посольства в Берлине по примеру американского в Петрограде, к которому ныне прикомандировываются еще новых пять лиц для объезда германских лагерей в России. Все расходы по объездам лагерей посол может покрывать из уже переведенных ему в марте ста тысяч рублей» [13].

Результатом этих усилий стало учреждение при испанском посольстве в Берлине специального отдела по делам русских пленных, во главе с особым уполномоченным в звании чрезвычайного посланника. В состав отдела вошли 9 офицеров и врачей испанской армии. Контролирующая деятельность испанского посольства стала носить постоянный характер, и российский МИД чаще получал необходимую информацию о положении дел в местах заключения. В июне 1916 г. посольство Испании в Берлине направило в испанское посольство в Петрограде развернутый отчет по 4 наиболее острым вопросам содержания военнопленных в немецких лагерях.

Российское внешнеполитическое ведомство объективно, но весьма сдержанно оценивало роль испанцев в оказании помощи военнопленным.

В записке Отдела о военнопленных МИД от 28 декабря 1916 г. отмечается, что на первых порах деятельность испанского правительства по охране интересов русских подданных в Германии и Австро-Венгрии и заботе о наших военнопленных в названных странах «не давала тех результатов, на которые императорское Министерство иностранных дел имело право рассчитывать. Поэтому российская сторона неоднократно настаивала перед испанским правительством на более энергичной защите им интересов наших пленных.

Путем повторных представлений, сделанных как через посредство императорского посла в Мадриде, так и через посредство императорских миссий в Стокгольме и Копенгагене, Министерству иностранных дел удалось обратить внимание испанского правительства на необходимость принять решительные меры к расширению и усилению деятельности дипломатических представительств Испании в Германии и Австро-Венгрии в смысле осведомления императорского правительства об условиях содержания русских пленных в этих странах. Результатом этих настояний было учреждение испанским правительством при испанском посольстве в Берлине особого отдела со значительным штатом делегатов, коим поручено было производить периодически объезды мест водворения наших военнопленных в Германии и Австро-Венгрии и представлять отчеты об условиях их содержания. Во главе этого отдела стоит особый уполномоченный, г-н Дельгадо, носящий звание

чрезвычайного посланника; в состав его входят следующие чины испанской армии: один полковник, деятельность которого распространяется на всю территорию Германской империи, два подполковника, два капитана, один лейтенант и два врача, круг деятельности коих ограничен районами расквартирования в мирное время определенных корпусов германской армии.

К сему прилагается доставленный испанской миссией в Стокгольме список с указанием всех мест водворения русских военнопленных в Германии, осмотренных, согласно сообщению означенной миссии, упомянутыми делегатами за время с начала военных действий по настоящий момент. Всего посещено ими: 44 офицерских лагеря, 131 солдатский и 190 лазаретов. Министерство иностранных дел располагает уже 195 донесениями означенных делегатов, каковые, представляя собой изложение впечатлений, полученных лицами, не владеющими русским языком и неспособными вследствие этого вполне исчерпывающим образом ознакомиться с положением наших пленных в том или другом лагере, все же дают обильный материал для некоторого осуждения об условиях, в которых русским военнопленным приходится жить в германском и австрийском плену.

Как явствует из этих донесений, испанские делегаты нашли большинство осмотренных ими мест водворения наших пленных в Германии удовлетворительными во всех отношениях, за исключением довольствия, крайне недостаточного, как они подтверждают, решительно во всех лагерях и рабочих командах» [14].

К февралю 1917 г. Отдел о военнопленных располагал более чем 225 донесений испанских делегатов, представлявших подробные сведения о посещенных ими 200 лагерях. Полученная информация давала основания для заявления протестов как относительно общего режима того или иного лагеря, так и отдельных военнопленных.

* * *

Подводя итоги сотрудничества российских и испанских дипломатов по оказанию помощи попавшим в беду российским соотечественникам и военнопленным в годы Первой мировой войны, можно вполне обоснованно дать высокую оценку их деятельности. Эта непривычная для дипломатов работа велась в нелегких условиях военного времени весьма ограниченными силами.

Посол Испании в Берлине Луис Поло де Бернабе, посол в Вене Антонио де Кастро-и-Касалеис, а также посланник в Брюсселе маркиз де Ви-льялобар относились весьма ревностно к возложенным на них обязательствам. Благодаря их поддержке многим нашим соотечественникам, испытавшим в пути немало трудностей и лишений, все же удавалось прорваться домой через нейтральную Швецию и русскую Финляндию.

Самое деятельное участие в работе на гуманитарном направлении принял испанский король Альфонс XIII, создавший при своем личном секретариате Бюро помощи пленным. Испанцам удалось разыскать и репатриировать 21 тыс. военнопленных и около 70 тыс. гражданских лиц разных национальностей [15]. Немалое число среди них составляли наши соотечественники. Российское посольство в Мадриде часто вело через секретариат переговоры с враждебными государствами по вопросу об обмене пленными.

Дипломатические представители царской России и Временного правительства неоднократно выражали признательность Альфонсу XIII за его заботу о правах русских пленных и интернированных лиц. К сожалению, продолжительная деятельность короля на благо наших соотечественников до сих пор не была должным образом освещена ни испанскими, ни российскими специалистами, изучающими историю двусторонних отношений, и остается в целом мало известной широкой общественности наших стран.

После Октябрьской революции Испания отозвала своего посла из России. В начале января 1918 г. российский представитель получил прощальную аудиенцию у Альфонса XIII, и в российско-испанских отношениях наступила многолетняя пауза.

Цитируемые источники

1. Боткин С.Д. Три последних дня пребывания Императорского Посольства в Берлине // Известия МИД. — Петроград, 1916. Кн.1. С. 68—74.
2. Юсупов Ф.Ф. Мемуары. — М., 2007. С. 153.
3. АВПРИ, ф.159, оп. 749/3, д. 2636, л. 14—14 об.
4. АВПРИ, ф. 155. 1-5, оп. 709, д. 2216, л. 3.
5. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893—1922. — Мн.: Харвест, 2003. с. 254—255.
6. АВПРИ, ф. 155. 1—5, оп. 709, д. 2216, л. 38—38 об.
7. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, Реорганизация МИД, оп. 731, д. 234, л. 1.
8. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, Справочный материал, оп. 664/1, д. 105, л. 6.
9. АВПРИ, ф. 155. 1—5, оп. 709, д. 25, л. 3—16.
10. АВПРИ, ф. 156 «Юрисконсультская часть», оп. 457, д.926, л. 9 об.
11. АВПРИ. Ф. 156, оп. 457, д. 23, л. 1—4.
12. АВПРИ.Ф. 156, оп. 457, д. 112, л. 157—158.
13. АВПРИ, ф. 160, оп. 708, д. 2685, л. 4—4 об.
14. АВПРИ.Ф. 160, оп. 708, д. 2662, л. 4—5.
15. См. Медников И.Ю. Российско-испанские отношения в годы Первой мировой войны // История: электронный научно-образовательный журнал. 2011. Вып. 8: Новые перспективы в изучении истории Испании [Электронный ресурс]. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/rossisko-ispanskie-otnoshenia.html>.

Литература

1. Воронин Е.Р. Первая мировая война. Errare humanum. Кто вино ват? — М.: МГИМО-Университет, 2014.
2. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. — М., 2008.
3. Медников И.Ю. Испания в годы Первой мировой войны / Новая и новейшая история, № 4, 2007, с. 51—66.
4. Медников И.Ю. Историческое значение испанского нейтралитета в Первой мировой войне. М.: Вестник МГИМО-Университета № 4 (37), 2014, с. 26—34.
5. Памяти кн. Гр.Н.Трубецкого: сб. статей с предисловием П.Б. Струве. Париж. 1930.
6. Пахалюк К.А. Русские туристы в Германии в августе 1914 г. // Рей-тар. 2010. № 3. С. 161—168.
7. Россия и Испания. Документы и материалы. 1667—1917. Т. 2. — М.: АСТ, 1997.
8. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. — М.: Харвест, 2003.
9. Чернявский С.И. Российские дипломаты в Первой мировой войне. М.: МГИМО-Университет, 2014.